

В странах Восточной Африки начал работу новый собственный корреспондент журнала «Азия и Африка сегодня» Владимир Савельев. Публикуем его очерк.

В НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО

В. САВЕЛЬЕВ

СТОП-сигналы «Корсара», яркие, словно рубины, вырывают из тьмы призрачное марево. В зеркале видно, как из выхлопной трубы поднимаются струи розового дыма. От красного света лица мертвенно бледны; пряди сплывших волос лезут в глаза, а приходится терпеть: руки в грязи, сплошная черная перчатка по локоть и выше. Случись рядом кто-нибудь из местных жителей — приняли бы нас за привидения.

Две женщины в белых нижних рубашках, прилипших к мокрому телу, мужчина в трусах, почти сплошь заляпанный наростами грязи, и мальчик двенадцати лет изо всех сил пытаются столкнуть машину с места. На заднем сидении Игорь и дочь приятеля Маринка. «Можно и мы тоже?» — храбрятся малыши, а сами кутаются в снятые старшими брюки и платья. Им давно пора спать. Но разве тут уснешь?

Я за рулем. Несколько неловко, лучше бы посадить кого-нибудь из женщин, но они не справятся. Дождь хлещет как из ведра, а вокруг молчаливый кустарник, мокрый, который только кажется обитаемым... И все это совсем близко от города.

Кто знал, что попадем в такую переделку! Босые ноги соскальзывают с педалей. Мотор надрывно рычит, но почти бестолку. Лучше вылезу и помогу им. Так быстрее доползем до вершины холма, а там вниз, там будет легче, там уже где-то близко асфальт.

Недаром говорят, охота пуще неволи. Всем загорелось увидеть живого «черта», это мистическое животное, а мне больше всех, может быть, потому что хотелось доказать им, что «оно» действительно существует. Я чувствовал, что мой рассказ о случайной

встрече с ним, его описание вызывают у всех недоверие. Уже очень все было необычным.

С кем бы из советских граждан, проживших в Кении по нескольку лет, мне ни приходилось говорить, никто такое животное не встречал и даже не знал о нем. От африканцев из племени луо я слышал, что оно попадает иногда в провинции Ньянза, по берегам озера Виктория, где его называют «муравьиным медведем» и считают его мясо деликатесом. Некоторые говорили, что видели его здесь, в районе Нгонг-Хилз — цепи высоких холмов километрах в двадцати западнее Найроби, что иногда в сумерках оно выходит на дорогу.

Я был уверен, что мы встретим его где-нибудь в диком кустарнике за Нгонгом. «Они» наверняка должны быть там — ведь видел же я одного несколько дней назад прямо в самом Найроби.

Я выключил мотор и вылез из машины под холодный душ. Колеса настолько облеплены грязью, что еле проворачиваются на оси. И впереди грязь, грязь и грязь. Ноги — в чудовищных, пудовых лаптях...

— Ничего, грязь-то лечебная, как у нас в Мацесте, — смеются сзади глиняные изваяния. Они еще могут шутить! Им не холодно и грязь ничем. Это от напряжения. Толкаем машину все вместе. До вершины холма остается не больше ста метров.

Началось все часа три назад. «Смотри, папа, дядиюрин «Консул» танцует твист!» — восторженно завопил сидящий позади Игорь, прихлопывая в ладоши в такт вообразимой мелодии. Я уже видел, что светло-желтый «Консул» отстает и его бросает из стороны в сторону, словно легкую рыбацкую пирогу от внезапно налетев-

ГЛАЗАМИ СОВЕТСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

шего шквала. Дождь усиливался, и мой «Корсар» тоже стало заметно заносить. Приходилось крепко держать руль и не отрывать глаз от дороги. Не удержишь, сползешь в кювет — и сиди здесь всю ночь до утра, а может, и дольше: машины редко попадают в этих краях. Нам встретилась всего одна. Африканец, высунувшись из окна чуть ли не по пояс, что-то кричал и махал рукой. «Кто это?» — спросила жена. «Наверное, из знакомых», — и я тоже помахал рукой в знак приветствия. Откуда я мог знать, что он предупреждает нас об опасности, что через полчаса эта пыльная проселочная дорога превратится в сплошное месиво из черного маслянистого теста?

Первым не выдержал «Консул». В зеркале я видел, как мой приятель выскочил из машины и стал торопливо палкой, а потом и руками снимать с колес черную липкую глину. Проехав несколько метров, «Консул» снова остановился. Но тут настала и моя очередь. Из-под передних колес пошел дым. Таких толстых, невероятных распухших шин я больше нигде не видел. Настоящие слоновьи ноги. Не помню, сколько раз мы очищали колеса, прежде чем решили бросить «Консул» и выбираться всем на одной машине. И вот уже какие-то сто метров отделяли нас от вершины холма, самые трудные сто метров.

Я толкаю машину сбоку и одной рукой поправляю руль. Лучи фар обрываются в мокром кустарнике на вершине холма. Точно так же, в свете фар, я увидел «его» тогда у обочины. Это было в половине двенадцатого ночи, в районе Килелешва, в Найроби. Странное существо с туловищем кенгуру; красноватая, толстая — видно было по складкам — кожа с редкими блестящими поросычьей щетины. Еще, пожалуй, оно походило на жирного зайца, сидящего на задних лапах, а короткие передние, согнутые на груди, напоминали когтистые лапы крота. Но ни заяц, ни крот даже в Африке не до-

стигают полутора метров. А этот, с длинными, почти заячьими ушами, казался ничуть не меньше. Его темно-красные глазки и слегка продолговатое рыло, оканчивающееся, как у свиньи, пятачком, замерли в неожиданном, выскочившем из-за поворота свете фар. Животное не шевелилось.

Признаться, я тоже обалдел от удивления, проехал мимо, только инстинктивно нажав на тормоз и немного сбавив ход. Когда я возвратился, его и след простыл.

Утром следующего дня я обошел все книжные магазины Найроби и старательно пролистал большие, хорошо иллюстрированные издания о животном мире Восточной Африки. Мой «черт» оказался неуловим. В одной книжной лавке продавец-индеец рассказал мне, что в детстве видел нечто подобное, тоже ночью и тоже у обочины дороги. Африканцы, которые называли его «муравьиным медведем», говорили еще, что живет он в земле. Мы видели странные широкие лунки поблизости от дороги и на самом проселке за Нгонгом. Круглые, одинаковые, довольно глубокие лунки, примерно сантиметром в пятьдесят-семьдесят диаметром. Это были не кабаньи ямы.

Дождь не утихал. Потоки воды, устремившиеся сверху, размывали грязь, из-под нее обнажились камни. Машина, нутужно взвывая, кое-как дотащилась до вершины холма.

По улицам Найроби мчались необычные пассажиры. Наверное,

никто из жителей города в этот поздний час не был так искренне влюблен в асфальт. Голодные, продрогшие, грязные, полураздетые — мы были похожи на персонажей из авантюрного романа. Слепило глаза. В витрине магазина, где продавались елочные игрушки, стоял смешной Санта-Клаус с длинной узкой бородой и как будто в чалме, похожий скорее на Хоттабыча, чем на Деда Мороза: «Хэппи кристмас! Счастливого рождества!». Христианский мир праздновал рождение своего спасителя.

...Я часто вспоминал своего таинственного «незнакомца» и почему-то был уверен, что еще раз встречу с ним. Вторая встреча произошла в Москве. Я узнал его на страницах «Жизни животных» Брэма по отлично исполненной иллюстрации. Подпись гласила: «*Orycteropus capensis* — капский трубкозуб, длиной до двух метров, вес — от 50 до 60 килограммов».

Теперь у меня был ключ для дальнейших поисков. Я выяснил, что некоторые авторы называют это животное эфиопским трубкозубом. Но, видимо, речь идет об одном и том же, а разные названия только показывают на область его распространения от Южной Африки до Эфиопии.

Трубкозуб — одно из древнейших, исчезающих животных, которое встречается только в Африке. Сотни тысяч лет назад, в третичную эпоху, трубкозубы жили на Эгейском материке, их ископаемые остатки найдены на острове Самос.

Как-то мне в руки попала маленькая медная монета Замбии — один нгвее. Монета появилась в январе 1968 года, когда вместо английских шиллингов и пенсов страна ввела свою национальную валюту. На оборотной стороне монеты изображен трубкозуб.

Это довольно неуклюжее животное с толстым туловищем, покрытым редкой щетиной, с тонкой шеей и длинной толстой головой с продолговатым, цилиндрическим рылом и длинными ушами. Толстый конический хвост достигает 85 сантиметров. Ноги короткие и сравнительно тонкие, передние лапы вооружены острыми крепкими когтями.

Трубкозуб водится преимущественно на равнинах, в пустынной местности поблизости от муравейников и термитников, «населением» которых он лакомится. Прорывая длинные подземные ходы к термитникам, он разрушает их изнутри. На добычу трубкозу-

бы выходят в одиночку. Днем они покоятся в больших, вырытых ими норах, а по ночам бродят вокруг своего жилища.

Подойдя к муравейнику или термитнику, трубкозуб сначала тщательно обнюхивает его со всех сторон, затем начинает вести подкоп к главному муравьиному гнезду или к одному из основных ходов. Добравшись до цели, он вытягивает длинный клейкий язык, к которому прилипают насекомые.

В «Наглядной энциклопедии животного царства» В. Станека, изданной в Англии в 1964 году, собрана замечательная коллекция фотографий свыше тысячи самых различных представителей земной фауны. Трубкозуб упоминается в ней рядом с броненосцем, но в «фототысячу» он не попал, и мне вообще не приходилось видеть фотографий этого ночного странника в отличие от его латиноамериканского родственника — муравьеда, который хорошо известен и не избегает случая запечатлеться на фото- и киноплёнке.

Лет этак семьдесят — сто назад о трубкозубах знали гораздо больше, чем в наши дни. Видимо, они чаще встречались тогда.

Однако и в те времена трубкозуб уже был редкостью. Польский писатель и путешественник Генрих Сенкевич в своих «Письмах из Африки», изданных на русском языке в 1902 году, повествуя о животном мире Восточной Африки, где он исходил не одну сотню километров, красочно и подробно рассказывает о свирепых африканских муравьях, о термитниках высотой в несколько метров. Но о трубкозубах у него нет ни слова.

Ученые описывают трубкозуба как чрезвычайно осторожное и пугливое существо, которое при малейшем шуме немедленно зарывается в землю, исчезая буквально в считанные секунды даже в твердом грунте. Он прорывает себе путь крепкими передними лапами, а задними, отбрасывая землю, засыпает вход в нору. «Ни один враг, — пишет Брэм, — не может проникнуть за ним в нору, так как он с такой силой выбрасывает вырванную им землю, что всякое животное, ошеломленное, отступает. Даже человеку трудно откопать трубкозуба: охотник в несколько минут покрывается песком и землей...»

Не одни мы, стало быть, вывозились в грязь. Видно, такова участь каждого, кто пытается преследовать этого загадочного полуночника.